

Методология исторических исследований и логическая культура*

А. Г. Пушкарский¹

ⁱБалтийский федеральный университет имени И. Канта
Калининград

Аннотация: На основе философско-методологических работ замечательного советского ученого и философа Б. С. Грязнова обосновывается важность экспликации логических методов в исторических исследованиях, рассматривается вопрос о статусе объектов исторических наук и проблема их существования. На основе истории логики в университетском образовании показывается важность дисциплин логического цикла в системе современного высшего гуманитарного образования и дается определение логической культуры.

Ключевые слова: история логики, методология исторических исследований, предмет и объект науки, логическая культура, проблема существования объектов исторической науки.

В 1996 году в тогда еще Калининградском государственном университете на историческом факультете была создана кафедра философии и логики. В 2006 году из названия кафедры исчезло слово логика, а в 2016 году прекратила свое существование и сама кафедра. Все это время Валерий Иванович Гальцов, сначала как декан исторического факультета, а затем как директор Института гуманитарных наук всячески поддерживал не только нашу кафедру, но и всегда помогал развитию логико-философских исследований в нашем университете и с большим вниманием относился к преподаванию логики на всем историческом факультете.

Поэтому, когда была организована конференция под звучным названием «Человек и общество в потоке времени и в пространстве слова, культуры, просвещения»¹, посвященная 70-летию Валерия Ивановича, мне показалось важ-

---

*Работа подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта 17-03-00707а «Логическая культура в России: прошлое и современность».

¹Статья написана на основе части моего доклада на этой конференции — «О применении

ным как-то продемонстрировать роль логики в системе гуманитарных наук. Казалось бы, что важность преподавания дисциплин логического цикла в формировании рационального мышления для подготавливаемых вузом специалистов во всех областях не нужно доказывать. То же самое касается и поддержки логико-методологических исследований как в естественных, так и гуманитарных наук, включая исторические. Но в нашей стране это не так.

В истории России у науки логики непростая судьба. Например, в связи с гонениями на философию², в середине XIX века в русских университетах логику разрешено было читать только духовным лицам³. И только после полноценного восстановления философии в университетах и включения логики в состав кафедр философии в конце XIX века, стали появляться значимые фигуры и оригинальные русские исследования в области логики, однако и этот период расцвета университетской логической мысли быстро закончился после революции. Вся система образования в СССР подвергается радикальной перестройке: «Отношение к логике советской власти было вначале довольно пренебрежительным, если не сказать более — враждебным. Логика в середине 20-х гг. XX века исчезает из образовательного процесса. Официально и надолго она вернулась в высшую школу в 1943 г. ...» (*Логика в университетском образовании: монография*, 2012, с. 56–57). А в 1947/48 гг. предпринимается попытка введения логики в школьные курсы, которые были прекращены сразу же после прихода к власти Никиты Хрущева⁴. Тем не менее начинается период постепенного возрождения логических исследований и борьбы за полноценное преподавание современной логики в наших ведущих университетах⁵.

Интересно, а как обстоят дела с преподаванием и изучением логики сегодня. Если мы посмотрим на современное российское общество, то легко увидеть, что имидж этой дисциплины в нашей стране имеет явно негативный характер, но

логических средств в методологии исторических исследований» по предложению организаторов конференции, которые обещали разместить материалы конференции в специальном выпуске журнала Слово.ру. Это определило как объем статьи и ее тематику, так и предполагаемых адресатов, а именно тех, кто занимается гуманитарными и историческими науками.

²В университетах до 1863 года были закрыты кафедры философии. Курсы логики и психологии было разрешено читать только «проверенным» лицам, имевшим духовное звание. Можно даже порассуждать насколько сильно это повлияло на «взрывное» историческое развитие России в начале XX века.

³В духовных семинариях и академиях логика читалась всегда и часто более качественнее чем в светских университетах. Можно сказать, что это обеспечило непрерывность логического образования в России в XIX веке. Но, понятно, что акценты в изучении логики в духовных учреждениях сильно отличались от того, что должно быть актуальным для развития науки и философии. См. об этом (Бажанов, 2012).

⁴Невозможно в двух словах изложить все перипетии истории науки логики в нашей стране. Однако, о судьбе отечественной логики и философии в начале XX века остались совершенно замечательные и увлекательно написанные воспоминания одного из крупнейших советских и российских логиков и философов Бориса Владимировича Бирюкова. См. его трилогию (Бирюков, 2006; Бирюков, 2008; Бирюков, 2009).

⁵Правда, надо отметить, что в СССР были выдающиеся логики и достижения мирового значения в этой области. Но, связаны они были не с философией, где господствовала так называемая диалектическая логика, а с математикой, более свободной от идеологического давления.

что еще более печально, что тоже самое наблюдается и в современном российском научном сообществе. Не в последнюю очередь это связано с текущими реформами высшего, и не только высшего, образования, которые обусловили падение той позиции логики, которую она начала занимать в системе российской науки и высшего образования в начале 90-х гг. XX века. И позиции, надо полагать, вполне адекватной, исходя из современной международной практики.

А между тем логика, как учебная дисциплина призвана формировать навыки рационального мышления необходимые в любой интеллектуальной и практической деятельности человека, без которых он просто не может существовать в современном и развитом обществе. И, соответственно: «... в любом научном исследовании нельзя обойтись только так называемым образным, гуманитарным, т. е. неряшливым складом ума. Наши интуитивно-образные прозрения определенных положений дел должны логически строго обосновываться, и с этой точки зрения гуманитарий должен выработать в себе навыки математически точного мышления. Навыки же такого мышления приобретаются в ходе занятий точными дисциплинами, одной из которых как раз и является логика. Последняя составляет пропедевтику всякого точного мышления» (Бочаров, Маркин, 2008, с. 10). Кроме того, логика как наука, являющаяся основанием и математики, и информатики, во многих случаях оказывается не только основным, а просто единственным, методом познания в гуманитарных науках, включая, естественно, и науки исторические. Безусловно, логика, по сути своей, является основанием любой научной методологии, однако, следует отметить, что современные работы по методологии гуманитарных наук к несчастью имеют в основном дескриптивный характер.

Я постараюсь, по возможности, на простых и, надеюсь, интересных примерах показать насколько важно применение логических методов в исторических исследованиях и, в значительной мере, буду опираться на работы замечательного советского ученого и философа Бориса Семеновича Грязнова (1929-1978), философско-методологические идеи которого, можно сказать, так и не получили заслуженного призвания и развития.

Первое, на что бы я хотел обратить внимание, это на вопрос о статусе объектов науки и проблеме их существования. Только на первый взгляд они выглядят странно. Какой же ученый не знает, чем он занимается в своей области науки! И уж тем более бесполезным для работающего ученого выглядит задача определения предмета и объекта своей науки. Например, некий Д. В. Винник полагает, что «именно из объект-предметной связки в гуманитарных науках делают настоящего методологического идола» и что в «гуманитарных науках требование вычленив «предмет» из «объекта» наталкивается на парадигмальные затруднения», а такая задача это «обычно это довольно бессмысленное занятие» (см. Винник, 2017)⁶. Однако, почему-то вопрос об объектах научного исследования поднимается в истории науки с завидной регулярностью. А происходит это потому, «что проблема объекта научного исследования в ее общем виде — вечная

⁶Возможно, автор и прав, когда критикует слишком «замысловатые» требования к диссертационным работам, но со смыслом и ходом его аргументации никак нельзя согласиться. И приводимые им примеры только подтверждают это.

проблема и ее решение можно дать лишь для данного уровня развития науки, для той или иной группы наук» (Грязнов, 1982, с. 9). Вечной проблемой она оказывается потому что относится к области философии, поскольку зависит от метафизической и мировоззренческой позиции, которую, явно или неявно придерживается исследователь в своей научной деятельности. Однако, анализ данного понятия невозможно провести только с философско-гносеологической позиции, зависящей от философских установок того или иного исследователя. Он оказывается существенно зависимым от выбора логических средств и типа применяемой логики. Естественно, что эти две стороны взаимосвязаны, но неравнозначны, поскольку выбор логических методов анализа сам зависит от онтологических и метафизических пресуппозиций, т. е. от тех положений и информации, которые чаще всего неявно принимаются как универсальные в данной модели мира, предполагаемого тем или иным исследователем. Можно утверждать, что с развитием науки, усовершенствованием и изменением ее методов и применяемых средств логического анализа изменениям будут подвергаться и собственно объекты исследования. И более того, в такие объекты могут «появляться» и «исчезать», как, например, «теплород» и «эфир» в физике!

Попробуем обратиться к элементарному материалу, подчерпнутому из раздела теории понятия⁷ в базовом учебнике по традиционной логике чтобы получить определения «предмета» и «объекта». Предмет — это то, что может иметь свойства и вступать в отношения, а под объектом может пониматься предмет, свойство, отношение или множество. Объект предполагает наличие субъект-объектных отношений, т. е. наличие субъекта, который находится вне объекта и благодаря чему и становится возможным его рациональное познание. Конечно, возможно внерациональное познание, только такое познание не будет научным не просто по определению, а в силу эволюции человеческого мышления, достигнувшего «совершеннолетия» именно в научном познании, и которое стало таковым из-за поразительной эффективности в практической деятельности. Таким образом, например, для физика предметной областью будет тот или иной фрагмент материального мира, а объектами изучения свойства и отношения предметов данной области. Для исторических наук предметной областью являются факты и события человеческой истории, которые не существуют в том же виде как материальная действительность для физика. Поэтому объектом научного исследования истории как науки⁸ будут характеристики этих событий, т. е. те или иные знания о них. А знания выражаются исключительно при помощи понятий и суждений. . .

Следует сделать еще одно важное замечание, если в естественном языке мы пользуемся понятиями, то в науке никак нельзя обойтись без научных терминов, поскольку понятие — это «живая» языковая единица, смысл которого динамически меняется, из-за чего он становится «непригоден» для полноценного использования в науке. Термин — это как бы «застывшее» понятие, т. е. понятие, смысл которого четко фиксирован. Так вот, объекты о которых мы ведем речь, стравляют объем или экстенционал понятий и терминов.

⁷См., например, (Брюшинкин, 1996, с. 26–27).

⁸Об особенностях объектов исторических наук см. ниже.

Итак, обратимся к работе Грязнова: «Предметной областью исследования будем называть совокупность вещей (явлений) и их отношений, которая существует независимо от деятельности человека. . . Объектом же научного исследования является не сам предметный мир (или его фрагмент) такой, какой он есть, а свойства и отношения этого предметного мира, зафиксированные человеком. Объективность научного познания сохраняется благодаря тому, что, во-первых, сам объект никогда не проявляет всех своих свойств сразу, и, во-вторых, благодаря объективности человеческой деятельности» Грязнов, 1982, с. 10). Однако, следует различать объект эмпирического исследования и объект научной теории. Если в первом случае объект «выделяется» из явлений материального мира⁹, то во втором он «буквально конструируется, создается самим исследователем» (там же, с. 11).

Любое научное познание начинается с процесса абстрагирования, т. е. выделения и фиксации отдельных свойств и отношений в предметной области своего исследования. На выходе данного процесса мы как бы «производим» набор идеализированных и абстрактных объектов, которые оказываются предварительным условием любого научного исследования. А затем результаты данных процедур сами становятся предметом исследования, как научное знание, выражаемое в форме понятий и суждений и объективно фиксируемое в определенных языковых конструкциях. Таким образом, теоретические объекты науки являются результатом сложной конструктивной познавательной деятельности субъекта исследования, они не существуют вне этого процесса, и, более того «в нем имплицитно содержится все, что о нем может узнать исследователь (знать, возможно, потенциально, но необязательно актуально)» (там же, с. 37). И, как мы уже замечали выше выбор и использование логических средств имеет ключевое значение в научной познавательной деятельности.

Для того чтобы продемонстрировать влияние применения логических средств на существование объектов науки вспомним нашумевший и даже несколько курьезный случай, связанный с приключением Плутона в науке астрономии. Почти 10 лет назад, 24 августа 2006 года, участниками XXVI Ассамблеи Международного астрономического союза было принято решение изменить определение термина «планета». В результате 9 планета Солнечной системы — Плутон не попал под это определение и после переклассификации он был добавлен к списку малых планет и получил номер 134340 по каталогу Центра малых планет. Плутон стал просто малой планетой. Таким образом, применение определенного логического средства, а именно логической опера-

---

⁹Тут есть один «тонкий» момент, который трудно понять, не зная хотя бы элементарного логического материала. В традиционной логике понятия характеризуется своим содержанием (смыслом или интенционалом) и объемом (экстенционалом). Объем понятия — это множество объектов, выделяемых и обобщаемых в понятии с помощью признака, который и является содержанием понятия. Так вот, в объемы терминов (строго фиксированных понятий) эмпирических наук обычно входят вещи, предметы объективного мира, а его содержание соответствует свойствам и отношениям этих вещей. Для теоретической области исследования происходит изменение объекта — им становится первоначальный смысл терминов эмпирических наук. Таким образом в теоретические науки вводятся абстрактные и идеализированные объекты, составляющие их основное содержание. См. (Грязнов, 1982, с. 12).

ции, раскрывающей содержание (смысл) понятия, привело к «исчезновению» одного объекта науки астрономии и изменению другого объекта, Солнечной системы, которая в один день стала состоять из 8 планет. Сегодня можно только улыбнуться, вспомнив примеры истинных тождеств из работ по философии логики — «Число планет = 9»¹⁰. Однако, следует особо подчеркнуть, что определение отнюдь не такая простая логическая операция какой она кажется на первый взгляд. Во-первых, смысловое содержание (интенционал) именных конструкций естественного языка может содержать бесконечное количество признаков. И, во-вторых, никто не может дать гарантии, что в таких понятиях могут найтись признаки противоречащие друг другу. Любой обладающий элементарной логической культурой, хорошо знает, что сконструировать правильной определением, удовлетворяющее всем правилам данной логической операции, не просто трудно, а чаще всего невозможно.

В этом отношении, объекты исследования исторической науки ничем не отличаются от объектов других наук. Они также подвержены изменениям и «исчезновениям». В свое время меня поразило введение к фундаментальному академическому труду «История древнего Востока», из которого следовало, что сам древний Восток довольно сильно видоизменился в период с 50-х гг. до 80-х гг. прошлого века, поскольку «понятие «древний Восток» в науке менялось» (*История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. I. Месопотамия*, 1983, с. 18). Т. е., мне хотелось бы подчеркнуть, что такой объект исторического исследования как древний Восток не просто изменился, он стал фактически другим, во много не сходным с тем, с которым историки имели дело в начале XX века, а тем более в XIX веке. Не менее удивительно, если отвлечься от предубеждений здравого смысла, заложенных в нас излишне позитивистским образованием, что и сегодня данный объект снова должен измениться, поскольку авторы указанного труда использовали марксистскую классовую методологию для определения объектов своего исследования.

Приведем еще примеры подобных объектов исторической науки. Например, «страны народной демократии» пропали из поля зрения историков также как когда-то «теплород» в физике. Или, например, у всех на слуху споры о «голодоморе» и «геноциде» на Украине в 20-х гг. XX века. Но, никто не исследует «голодомор» и «геноцид» в Индии в 1975-95 гг. XIX века, когда от голода умерло 30 миллионов человек. Многие историки тщательно стараются не употреблять понятие о «фолклендская война», предпочитая понятие «конфликт», но свободно говорят о «чеченской войне». Так что же случилось между Аргентиной и Великобританией в 1982 году? И далее, тут прямо напрашиваются примеры из такой «серии» как «историки спорят».

Но, мне хотелось бы обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, все сказанное не означает, что как историк, так и любой другой ученый долж-

¹⁰См. работу знаменитого американского философа Уилларда Ван Ормана Куайн «Референция и модальность» (Куайн, 2003, с. 136). Отметим, правда, что в логической семантике такое высказывание не будет ни логически, ни онтологически необходимым. Но, все же оно долгое время понималась как эмпирически полученная истина.

ны постоянно сверяются в своей работе с положениями, изложенными в учебнике логики. Определенный стиль научного мышления и навыки методологической заложены у него еще в высшей школе и должны совершенствоваться в процессе постоянных научных исследований. Они находятся как бы на бессознательном уровне, «растворившись» в профессиональном использовании научных методов и употреблении специализированного научного языка. Однако, эти же навыки должны были бы на интуитивном уровне подсказывать им, когда следует, так сказать, «вернуться назад», чтобы отрефлексировать используемую терминологию, методы классификации и проверить объекты исследования на адекватность употребления в структуре научной теории. И не получается ли так, что некоторые критические научные споры ведутся не об определённых фактах и событиях, а об объектах наподобие тех, которые попадают под понятие «круглый квадрат».

Во-вторых, мы уже упоминали о том факте, что принятие какого-либо языка науки предполагает принятие определенного рода метафизических пресуппозиций. Так вот, возникает вопрос, какого рода пресуппозиции играют центральную роль в языках гуманитарных научных теорий, включая и науки исторические. Здесь на первый план выходят аксиологические или ценностные пресуппозиции. Конечно, в любой науке ценности так или иначе, играют важную роль. Без такой ценности как «истина» не может обойтись ни одна наука. Но, именно в гуманитарных науках все основные термины, суждения и языковые конструкции оказываются ценностно нагруженными, причем в подавляющем большинстве это происходит неявным образом и редко когда эксплицируются в своей методологической части. И исторические науки, как нам представляется, «грешат» этим чаще всего. Что же такое ценности? Это такие абстрактные понятия, которые характеризуют свойства или отношениях объектов, как положительно для нас значимые и практически полезные. Ценности имеют субъективный характер и могут принимаются или отвергаются нами как сознательно, так и нет. И, к сожалению, следует признать, что зачастую историк, убежденный в том или ином ходе событий и/или их оценки и скорее готов поступиться фактами и обоснованностью своей аргументации, нежели отказаться от своих убеждений. Дело осложняется еще и тем, что для точных наук все же существуют границы логико-математической строгости, за которые он никогда не решится выйти, а вот для гуманитариев такие границы обычно очень трудно указать. И вот захватнические войны «легко превращаются» в войны справедливые и освободительные. . .

Приведем примеры из нашей истории. В одной из статей, недавно опубликованных в электронном издании, посвященной в том числе и военной истории, разбирается соотношение потерь в битве под Москвой. Так вот оказывается, что приводимые нашими историками соотношения потерь советских и немецких войск под Москвой различаются на порядок! Авторы статьи констатируют, что: «по сей день в публикациях некоторых авторов, относящих себя к военным историкам, утверждается, что Красная армия, защищая столицу, потеряла солдат в 20 раз больше, чем вермахт», и приводят обоснование того, что: «Соотношение безвозвратных потерь Красной армии и вермахта в Московской

оборонительной операции равно ... 1,3–1,7 в пользу немецких войск» (Литвиненко, Сапрыков, 2016). Легко понять, что столь различные цифры возникают из методов анализа и обработки исторической информации, которые, кстати, некоторые историки даже не удосуживаются представить и обосновать.

Мы уже отмечали особенность существования объектов исторической науки. Она состоит в том, что: «Исторические события, которые историк делает предметом своего исследования, не существуют в том же смысле, что и события, с которыми имеет дело естествоиспытатель; историк всегда имеет дело лишь с «обломками» и «элементами» прошлого, которые в той или иной форме существуют в настоящем. Хотя историческое событие и нельзя воспроизвести в качестве реально совершающегося события, оно существует в форме знания о нем» (Грязнов, 1982, с. 108).

Для хранения, представления и передачи знаний используются знаковые системы, которые называются языками. Языки науки отличаются от других повышенными требованиями для точного выражения терминов, положений, постулатов и аксиом той или иной науки и связанными с ними типов аргументации. Такие языки могут быть полупоформальными, форматизированными и формальными. Самыми совершенными в смысле точности и корректности представления знания обладают формальные языки символической логики. Так в книге «Логический подход к искусственному интеллекту от классической логики к логическому программированию» в главе 4 первый параграф так и называется «Логика как средство для представления знаний и рассуждений». Авторы делают следующее заключение: Роль логики в проблематике представления знаний и рассуждений многообразна.

- Логику можно прямо использовать для представления знаний и рассуждений.
- Она может пригодиться для ссылок и как эталон выразительности, модель компетенции, гарант элементарных логических принципов. Может помочь в точном определении альтернативных методов.
- Она определяет принципы и законы, незаменимые при решении многих проблем.
- Она позволяет анализировать смысл некоего представления знаний и обоснованность выводов.
- В этом отношении она является преимущественно средством анализа знаний и рассуждений как таковых» (*Логический подход к искусственному интеллекту: от классической логики к логическому программированию*, 1990, с. 209).

Таким образом, следует констатировать, что объекты науки, включая и исторических исследований зависят от базы знаний и логических средств, используемых для их создания, представления и обработки. Немаловажным для функционирования таких объектов оказываются и ценностные установки кото-

рые движут исследователем в методах работы с объектами научного знания и способов их введения в системы научного знания и научных теорий.

Что же касается проблемы существования научных объектов, то думаю, что вряд ли возможно ее окончательное решение. Хотя бы потому что существует большое разнообразие современных логических теорий понятия, предлагающих иногда взаимоисключающие определения понятия и, соответственно, возможность существования объектов составляющие объем (экстенционал) таких понятий (см. Матерна, 1993)¹¹.

И все же, как на этот вопрос отвечает Борис Семенович: «Не претендуя на окончательный ответ, попытаемся хотя бы наметить один из возможных путей решения данной задачи. Прежде всего обратимся к ее логической стороне. С точки зрения логики проблема существования может считаться решенной, если, во-первых, указано множество (либо списком, если оно конечно, либо свойством, либо, наконец, законом построения элементов данного множества), элементом которого может считаться данный объект, и, во-вторых, указан «адрес» этого объекта в заданном множестве. . . ». Отмечая, что «простота решения проблемы существования в данном случае лишь кажущаяся», он заключает, что «. . . решение проблемы существования каждый раз в конечном итоге сводится к анализу генезиса объекта и способов его введения в мир теоретического знания» (Грязнов, 1982, с. 25).

***

В заключении, мне хотелось бы отметить, что автор не ставил перед собой задачи навязать историкам какое-либо обязательное или догматическое представление о научной методологии и важности используемых ее логических средств. Совсем наоборот, нам хотелось показать, что иногда рефлексия ученого по поводу объектов собственной науки, генезиса их возникновения и особенностей их функционирования может помочь ему прояснить и углубить представление о своей же науке, а также избежать терминологической путаницы, методологических «тупииков», смыслового и ценностного «дискомфорта» и своей работе. Конечно, общая логическая культура и специфические методологические навыки, которые должны формировать в процессе обучения и подготовки научных специалистов. Однако, в связи со «странностями» проводимой реформы высшего образования и снижения роли логических дисциплин, надо признать, что падает как элементарная логическая культура, необходимая для любой научной работы, так и профессиональная подготовка научных специалистов, так как навыки рационального мышления составляют ключевую ее составляющую.

Дадим в конце предварительное определение логической культуры: *Логическая культура — это такие навыки мышления, которые делает возможным осуществление рациональных действий, необходимых для полноценного существования в современном развитом цивилизованном обществе, в том числе и благодаря умению осознанной рефлексии процессе принятия решений.*

¹¹Так, например, Джордж Билер выделяет аж 13 различных видов теории понятия видов (см. Bealer, 1982, p. 15–16).

Список литературы

- Бажанов В. А.* Логика в России и православная церковь // Логические исследования. — М., 2012. — Вып. 18. — С. 5–25.
- Бирюков Б. В.* Трудные времена философии: Отечественная историческая, философская и логическая мысль в предвоенные, военные и первые послевоенные годы. — М., 2006.
- Бирюков Б. В.* Трудные времена философии: Отечественные логика, история и философия в последние сталинские годы. — М., 2008.
- Бирюков Б. В.* Трудные времена философии: Отечественные логика, история и философия в последние сталинские годы. — М., 2009.
- Бочаров В. А., Маркин В. И.* Введение в логику: учебник. — М. : ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2008.
- Брюшинкин В. Н.* Практический курс логики для гуманитариев. — М., 1996.
- Винник Д. В.* Объект-предметное безумие: как мучают диссертантов // Индикатор. Интернет-издание. — URL: <https://indicator.ru/article/2017/03/13/obekt-predmet-v-dissertatsiyah> (дата обр. 13.04.2017).
- Грязнов Б. С.* Логика, рациональность, творчество. — М. : «Наука», 1982.
- История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. I. Месопотамия. — М. : «Наука», 1983.
- Куайн У. В. О.* С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков. — Томск, 2003.
- Литвиненко В., Сапрыков В.* Расплата за «Тайфун». Вермахт занижал потери в расчете, что победа все спишет // Еженедельник «Военно-промышленный курьер». — 2016. — 14 дек. — Т. 663, вып. 48. — URL: <http://vpk-news.ru>.
- Логика в университетском образовании: монография. — Киев, 2012.
- Логический подход к искусственному интеллекту: от классической логики к логическому программированию. — М. : Мир, 1990.
- Матерна П.* Понятие понятия // Логические исследования. — М., 1993. — Вып. 2. — С. 82–89.
- Bealer G.* Quality and concept. — Oxford, 1982.

Об авторе

Анатолий Геннадьевич Пушкарский — ст. преподаватель Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, pushcarskiy@mail.ru.

Methodology of Historical Research and Logical Culture

Anatoly Pushkarskyⁱ

ⁱImmanuel Kant Baltic Federal University
Kaliningrad

Abstract: The importance of the explication of logical methods in historical research is argued for on the basis of philosophical and methodological works by the outstanding Soviet scientist and philosopher B. S. Gryaznov. The question of the status of objects of historical sciences and the problem of their existence is examined. Based on the history of logic in university education, the importance of the disciplines of the logical cycle in the system of modern higher education is shown and the notion of logical culture is defined.

Keywords: history of logic, methodology of historical research, subject and object of science, logical culture, problem of existence of objects of historical science.

References

- Bazhanov, V. A. (2012). “Logika v Rossii i pravoslavnaya tserkov’”. *Logicheskie issledovani* (18), pp. 5–25.
- Bealer, G. (1982). *Quality and concept*. Oxford.
- Biryukov, B. V. (2006). *Trudnye vremena filosofii: Otechestvennaya istoricheskaya, filosofskaya i logicheskaya mysl’ v predvoennye, voennye i pervye poslevoennye gody*. Moscow.
- (2008). *Trudnye vremena filosofii: Otechestvennyye logika, istoriya i filosofiya v poslednie stalinskie gody*. Moscow.
- (2009). *Trudnye vremena filosofii: Otechestvennyye logika, istoriya i filosofiya v poslednie stalinskie gody*. Moscow.
- Bocharov, V. A. and Markin, V. I. (2008). *Vvedenie v logiku: uchebnik*. Moscow: ID «FORUM»: INFRA-M.
- Bryushinkin, V. N. (1996). *Prakticheskii kurs logiki dlya gumanitariyev*. Moscow.
- Gryaznov, B. S. (1982). *Logika, ratsional’nost’, tvorchestvo*. Moscow: «Nauka».

- Istoriya drevnego Vostoka. Zarozhdenie drevneishikh klassovykh obshchestv i pervye ochagi rabovladel'cheskoi tsivilizatsii. Ch.I. Mesopotamiya* (1983). Moscow: «Nauka».
- Kuain, U. B. O. (2003). *S tochki zreniya logiki: 9 logiko-filosofskikh ocherkov*. Tomsk.
- Litvinenko, V. and Saprykov, V. (Dec. 14, 2016). “Rasplata za «Taifun». Vermakht zanzhal poteri v raschete, chto pobeda vse spishet”. *Ezhenedel'nik «Voenno-promyshlennyyi kur'er»*, vol. 663 (48). URL: <http://vpk-news.ru>.
- Logicheskii podkhod k iskusstvennomu intellektu: ot klassicheskoi logiki k logicheskomu programirovaniyu* (1990). Moscow: Mir.
- Logika v universitetskom obrazovanii: monografiya* (2012). Kiev.
- Materna, P. (1993). “Ponyatie ponyatiya”. *Logicheskie issledovaniya* (2), pp. 82–89.
- Vinnik, D. V. (2017). “Ob”ekt-predmetnoe bezumie: kak muchayut dissertantov”. *Indikator. Internet-izdanie* (). URL: <https://indikator.ru/article/2017/03/13/obekt-predmet-v-dissertatsiyah> (visited on 04/13/2017).

About author

Anatoly G. **Pushkarsky**, Assistant Professor, Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, pushcarskiy@mail.ru.